

УДК 1 (091)

ФИЛОСОФИЯ КАНТА И «ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ КАНТИАНСТВО»¹

М. А. Смирнов²

Термин «лингвистическое кантианство» широко применяется с целью обозначения характерных для аналитической философии XX в. идей об определяющей роли языка в мышлении и познании. В статье представлен сравнительный анализ взглядов, обозначаемых этим термином, и философии Канта. Во-первых, показано, что «лингвистическое кантианство» связано с определенным типом релятивизма, который чужд философии Канта (хотя позиция самого Канта может быть охарактеризована как релятивистская с определенной точки зрения). Во-вторых, проанализировано отношение Канта к идее языковой детерминации мышления, а также ее место в интеллектуальном контексте XVIII в., и резюмированы различные взгляды на эту проблему, представленные в современной литературе. В-третьих, показано, что аутентичное кантианство и «лингвистическое кантианство» являются собой два разных типа трансцендентализма, обозначенные автором статьи как «трансцендентализм субъекта» и «трансцендентализм посредника» соответственно. В трансцендентализме субъекта определяющая роль приписывается собственным способностям субъекта познания (согласно Канту, познание состоит не в согласовании созерцаний и понятий субъекта с предметами, а в приложении к предметам форм когнитивных способностей субъекта). В трансцендентализме посредника в качестве «активного» начала рассматривается не внешний мир и не собственные способности субъекта познания, а нечто находящееся между ними (в случае «лингвистического кантианства» — язык). На основе проведенного анализа сделан вывод, что термин «лингвистическое кантианство» может вводить в заблуждение относительно характера и происхождения обозначаемых им взглядов. Эти взгляды правомее называть лингвистическим трансцендентализмом, без некорректной отсылки к философии Канта.

Ключевые слова: «лингвистическое кантианство», философия языка, трансцендентализм, гипотеза лингвистической относительности.

Введение

В аналитической философии под «лингвистическим кантианством» подразумевается идея о том, что познание действительности с необходимостью опосредуется теми языковыми формами, в которых оно осуществляется.

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-05-0040) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), 105064, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.

Поступила в редакцию: 11.03.2018 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-2

© Смирнов М. А., 2018

KANTIAN PHILOSOPHY AND ‘LINGUISTIC KANTIANISM’¹

M. A. Smirnov²

The expression “linguistic Kantianism” is widely used to refer to ideas about thought and cognition being determined by language — a conception characteristic of 20th century analytic philosophy. In this article, I conduct a comparative analysis of Kant’s philosophy and views falling under the umbrella expression “linguistic Kantianism.” First, I show that “linguistic Kantianism” usually presupposes a relativistic conception that is alien to Kant’s philosophy (although Kant’s philosophy itself may be perceived as relativistic from a certain point of view). Second, I analyse Kant’s treatment of linguistic determinism and the place of his ideas in the 18th century intellectual milieu and provide an overview of relevant contemporary literature. Third, I show that authentic Kantianism and “linguistic Kantianism” belong to two different types of transcendentalism, to which I respectively refer as the “transcendentalism of the subject” and the “transcendentalism of the medium.” The transcendentalism of the subject assigns a central role to the faculties of the cognising subject (according to Kant, cognition is not the conforming of a subject’s intuitions and understanding to objects, but rather the application of a subject’s cognitive faculties to them). The transcendentalism of the medium assigns the role of an “active” element neither to the external world nor to the faculties of the cognising subject, but to something in between — language, in the case of “linguistic Kantianism.” I conclude that the expression “linguistic Kantianism” can be misleading when it comes to the origins of this theory. It would be more appropriate to refer to this theory by the expression “linguistic transcendentalism,” thus avoiding an incorrect reference to Kant.

Keywords: linguistic Kantianism, philosophy of language, transcendentalism, hypothesis of linguistic relativity.

Introduction

In analytic philosophy, the expression “linguistic Kantianism” refers to the idea that any cognition of reality is necessarily mediated by relevant linguistic forms.

¹ The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2017–2018 (grant № 17-05-0040) and by the Russian Academic Excellence Project “5–100.”

² National Research University Higher School of Economics (HSE), 21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105064, Russia. Received: 11.03.2018

doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-2

© Smirnov M. A., 2018.

Нюансы понимания «лингвистического кантианства» и список относимых к нему философов варьируются у разных авторов. Так, Б. Смит характеризует «лингвистическое кантианство» как «доктрину о том, что структура языка... является ключом к структуре действительности», и относит к нему Г. Фреге, Б. Рассела и большую часть аналитических философов XX в. (Smith, 2005, p. 153). Б. Страуд рассматривает как «лингвистическое кантианство» концепцию, изложенную в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна (Stroud, 1972, p. 26). Дж. Романос применяет этот термин к концепциям Р. Карнапа, Н. Гудмена и У. Куайна (Romanos, 1983, p. 29). М. Деви и К. Стерелни полагают, что импульс кантианской тенденции в аналитической философии был дан концепцией Э. Сепира и Б. Уорфа³, и относят к кантианской линии конструктивизм Т. Куна и П. Фейерабенда, а также философию Х. Патнема (Devitt, Sterelny, 1999, p. 246–258). Р. Гейл говорит о «лингвистическом кантианстве» в связи с идеей об априорных характеристиках описания структуры процессов (Gale, 1963, p. 233). Таким образом, в контексте аналитической философии сложилась традиция употребления термина «лингвистическое кантианство», но это употребление является несколько аморфным и допускает вариации.

В мои задачи в этой статье не входит обсуждение корректности применения термина «лингвистический кантианец» к тому или иному философу-аналитику. Я рассмотрю иную проблему, связанную с этим термином, которая состоит в том, что он некорректен в самом его указании на Канта.

Философские идеи, обозначаемые как «лингвистическое кантианство», можно отнести, как и философию Канта, к трансцендентализму, понимая под этим «эпистемологические взгляды, согласно которым человеческое познание зависит как от эмпирических, так и от неэмпирических факторов» (Stroll, 1995, p. 97). Однако при этом между философией Канта и «лингвистическим кантианством» имеют место принципиальные расхождения, в силу которых, как я намерен показать, сам термин «лингвистическое кантианство» можно считать некорректным⁴.

Ниже будет предложен сравнительный анализ философии Канта и «лингвистического кантианства». В § 1 я рассмотрю позицию Канта об отношении мышления к языку и логики к грамматике, а также вопрос о релятивизме применительно к его философии. Я покажу, что в этих аспектах кантовские взгляды несовместимы с концепциями, обозна-

Different authors have different views on both the nuances of “linguistic Kantianism” and the list of philosophers that can be considered its exponents. For instance, B. Smith defines “linguistic Kantianism” as a “doctrine that the structure of language [...] is the key to the structure of reality” and quotes Frege, Russell, and most analytical philosophers of the 20th century as exponents of the doctrine (Smith, 2005, p. 153). B. Stroud considers the conception outlined in Wittgenstein’s *Tractatus Logico-Philosophicus* to be a “linguistic Kantianism” (Stroud, 1972, p. 26). G. Romanos uses this expression to refer to the conceptions of R. Carnap, N. Goodman, and W. Quine (Romanos, 1983, p. 29). M. Devitt and K. Sterelny believe that the impulse behind the Kantian trend in analytic philosophy derives from E. Sapir and B. Whorf’s conception³ and they associate T. Kuhn’s and P. Feyerabend’s constructivism and H. Putnam’s philosophy with the Kantian line of thought (Devitt & Sterelny, 1999, pp. 246-258). R. Gale spoke of “linguistic Kantianism” when considering the idea of *a priori* characteristics in a description of the structure of processes (Gale, 1963, p. 233). The tradition of using the expression “linguistic Kantianism” thus emerged from analytic philosophy. However, this use remains amorphous and allows for variations.

In this article, I do not discuss the appropriateness of labelling an analytic philosopher as a “linguistic Kantian.” Instead, I focus on a different problem pertaining to the expression, namely, the inappropriateness of attributing it to Kant.

As with Kant’s philosophy, the philosophical ideas referred to as “linguistic Kantianism” may be categorised as transcendentalism, i.e., as the “epistemological view that holds that human knowledge depends on both empirical and non-empirical factors” (Stroll, 1995, p. 97). However, there are fundamental differences between Kant’s philosophy and “linguistic Kantianism.” These differences, as I intend to show, imply the incorrectness of the expression “linguistic Kantianism.”⁴

In what follows, I provide a comparative analysis of Kant’s philosophy and “linguistic Kantianism.” In section 1, I consider Kant’s position on the relationships between thought and language and between logic and grammar, as well as the problem of relativism with regards to his philosophy. I show that, in these respects, Kant’s views are incompatible with the concepts referred to as “linguistic Kantianism,” at the core of which are the ideas of linguistic relativity and the

³ О важных отличиях концепции языковых каркасов Карнапа от концепций в духе Сепира и Уорфа см.: (Makeeva, 2006, с. 13).

⁴ Под кантианством я подразумеваю философские взгляды, которые продолжают и развивают взгляды Канта, не противореча им в существенных аспектах.

³ On the key differences between Carnap’s linguistic frameworks and concepts inspired by Sapir and Whorf, see: Makeeva, 2006, p. 13.

⁴ By “Kantianism” I mean such philosophical views that expand and develop Kant’s position and that do not contradict the essential features of Kant’s thought.

чаемыми как «лингвистическое кантианство», в центре которых лежат идеи о лингвистической относительности и принципиально вербальном характере мышления, о языке как факторе, опосредующем доступ познающего субъекта к действительности. В § 2 я покажу, что философия Канта и «лингвистическое кантианство» представляют собой два разных типа трансцендентализма, которые я обозначу как *трансцендентализм субъекта* и *трансцендентализм посредника* соответственно.

§ 1. Кантианство и гипотеза лингвистической относительности

Как правило, взгляды, обозначаемые как «лингвистическое кантианство», основываются на гипотезе лингвистической относительности — релятивистской концепции, согласно которой представление человека об устройстве действительности зависит от языка, носителем которого он является. Например, по мысли Б. Уорфа, восприятие пространства и времени европейцами, нашедшее выражение в ньютоновской механике, соответствует особенностям «стандартных» европейских языков. У индейцев хопи, по предлагаемой Б. Уорфом характеристике, которую он подкрепляет сведениями о языке хопи, «время отсутствует, а пространство является другим» (Whorf, 1956, p. 58).

Однако подобные утверждения, по всей видимости, идут вразрез со взглядами Канта — ведь, как указывает Л. Б. Макеева, «у Канта априорные формы чувственного созерцания и категории рассудка, налагающие определенную структуру на мир, являются универсальными для всего человечества, тогда как Сепир и Уорф подчеркивают множественность упорядочивающих мир лингвистических структур» (Макеева, 2006, с. 15).

Для обозначения некоторых современных паракантианских идей, обладающих релятивистской спецификой, употребляется термин «релятивистское кантианство». М. Линч в книге, посвященной этому философскому направлению, отмечает, что сам «Кант, однако, не был плюралистом. Согласно ему, существует *только один* набор... концептов, совокупность которых является формой для любого возможного опыта» (Lynch, 2001, p. 11).

В действительности вопрос о релятивизме применительно к философии Канта более сложен. Кант не исключает возможности существования других когнитивных систем помимо описываемой им. Так, о формах чувственности он говорит следующее: «Мы совершенно не можем судить о созерцаниях других мыслящих существ, подчинены ли эти существа тем самым условиям, которые ограничивают наше созерцание и общезначимы для нас» (Кант, 2006, с. 101; A 27 / B 43); «нет никакой необходимости ограничивать способ созерцания в пространстве и времени чувственностью

essentially verbal nature of thought and of language as a factor that mediates a cognising subject's access to reality. In section 2, I show that Kant's philosophy and "linguistic Kantianism" are two different types of transcendentalism, to which I respectively refer as the *transcendentalism of the subject* and the *transcendentalism of the medium*.

1. Kantianism and the Hypothesis of Linguistic Relativity

As a rule, the views referred to as "linguistic Kantianism" rest on the hypothesis of linguistic relativity — the relativistic conception according to which a person's representation of the structure of reality depends on the language which this person bears. For instance, B. Whorf writes that the European perception of space and time, which found its expression in Newtonian mechanics, corresponds to the peculiarities of "standard" European languages. And from the perspective of the Hopi Indians — according to Whorf's characterisation, which he corroborates with an examination of the Hopi language — "time disappears and space is altered" (Whorf, 1956, p. 58).

However, such ideas seem to contradict Kant's views. As L. B. Makeeva stresses, "Kant considers the *a priori* forms of sensible intuition and the categories of understanding, which superimpose a certain structure on the world, as universally valid for all humanity, whereas Sapir and Whorf emphasise the diversity of linguistic structures that systematise the world" (Makeeva, 2006, p. 15).

The expression "relativistic Kantianism" is used to refer to some contemporary para-Kantian ideas that have relativistic features. In a book devoted to this philosophical trend, M. Lynch writes: "Kant, however, was no pluralist. For him, there was *one and only one* set of [...] concepts, which together were the form of all possible experience" (Lynch, 2001, p. 11).

In fact, the problem of relativism with regards to Kantian philosophy is more complicated than that. Kant does not exclude the possibility of other cognitive systems, alongside that described in his works. He writes the following about the forms of sensibility: "We cannot judge at all whether the intuitions of other thinking beings are bound to the same conditions that limit our intuition and that are universally valid for us" (Kant, 2000, p. 177; *KrV*, A 27 / B 43). "It is also not necessary for us to limit the kind of intuition in space and time to the sensibility of human beings," although "it may well be that all finite thinking beings must necessarily agree with human beings in this regard" (*ibid.*, p. 191; *KrV*, B 72).

человека», хотя «возможно, что всякое конечное мыслящее существо необходимо должно походить в этом отношении на человека» (Кант, 2006, с. 135; В 72).

В контексте теоретической позиции Э. Гуссерля кантовская философия получает характеристику принципиально релятивистской. Как отмечает Е. Г. Драгалина-Черная, Э. Гуссерль «считал попытку Канта интерпретировать логику в терминах субъективных человеческих способностей особой формой релятивизма»; с точки зрения Гуссерля, «логика должна быть объективной» (Dragalina-Chernaya, 2016, p. 131). Однако, по мнению Е. Г. Драгалиной-Черной, в философии Канта «правила трансцендентальной логики, не обладающие онтологической неколебимостью... наделяются привилегированным эпистемологическим статусом конститутивных принципов концептуальной системы, имеющей интерпретацию в пределах возможного опыта» (Драгалина-Черная, 2018, с. 38). Это означает, что позиция Канта в определенном смысле является абсолютистской и несовместима с той версией релятивизма, которую представляет гипотеза лингвистической относительности.

Еще одно отличие философии Канта от «лингвистического кантианства» состоит в том, что кантианство не может быть лингвистическим. Кантовский трансцендентализм отсылает не к языку, но к способностям агента познания — чувственности и рассудку. При этом рассудочный аспект познания Кант определяет как познание дискурсивное, то есть «через понятия», однако не связывает его со структурой языка, а тем более с отличительными особенностями отдельных языков. Кант характеризует специфику понятий и рассудка (способности субъекта к оперированию понятиями, то есть к суждению) следующим образом:

Помимо же созерцания существует лишь один способ познания, а именно познание через понятия; следовательно, познание всякого, по крайней мере человеческого, рассудка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное. ...Понятия основываются на спонтанности мышления, а чувственные созерцания — на восприимчивости к впечатлениям. Возможно лишь одно употребление рассудком этих понятий: через их посредство он осуществляет суждение. Так как никакое представление, кроме созерцания, не направлено на предмет непосредственно, то понятие никогда не относится к предмету непосредственно, а относится к какому-то другому представлению о нем (все равно, созерцание оно или уже само понятие). Итак, суждение есть опосредствованное познание предмета (Кант, 2006, с. 157–159; A 68 / В 92–93).

Таким образом, по Канту, понятия, как и созерцания, являются разновидностью представлений. Понятия отличаются от созерцаний тем, что возникают не благодаря непосредственному воздействию предметов, а благодаря активности («спонтанности»)

In the context of E. Husserl's theoretical position, the Kantian philosophy is characterised as essentially relativistic. As E. G. Dragalina-Chernaya says, E. Husserl “considered Kant's attempt to give an interpretation of logic in terms of subjective human faculties as a special form of relativism” (Dragalina-Chernaya, 2016, p. 131). At the same time, she believes that, in Kant's philosophy, “lacking the ontological solidity of the scholastic eternal truths, the rules of transcendental logic acquire a privileged epistemological status of constitutive principles of a conceptual system that can be interpreted within possible experience” (Dragalina-Chernaya, 2018, p. 38). This means that Kant's position is in some ways absolutistic. It is, therefore, incompatible with the type of relativism suggested by the hypothesis of linguistic relativity.

Another difference between Kant's philosophy and “linguistic Kantianism” lies in the fact that Kantianism cannot be linguistic. Kant's transcendentalism is founded not on language but on the faculties of the cognising agent — sensibility and understanding. Kant defines the aspect of understanding as discursive cognition, i.e., cognition “through concepts.” However, he does not build a link between such cognition and linguistic structures, let alone distinctive features of individual languages. Kant describes the features of concepts and understanding (the ability of a subject to deal with concepts, i.e., judgement), as follows:

But besides intuition there is no other kind of cognition than through concepts. Thus the cognition of every, at least human, understanding is a cognition through concepts, not intuitive but discursive. All intuitions, as sensible, rest on affections, concepts therefore on functions. By a function, however, I understand the unity of the action of ordering different representations under a common one. Concepts are therefore grounded on the spontaneity of thinking, as sensible intuitions are grounded on the receptivity of impressions. Now the understanding can make no other use of these concepts than that of judging by means of them. Since no representation pertains to the object immediately except intuition alone, a concept is thus never immediately related to an object, but is always related to some other representation of it (whether that be an intuition or itself already a concept). Judgment is therefore the mediate cognition of an object (Kant, 2000, p. 205; *KrV*, A 68 / В 93).

Therefore, according to Kant, concepts — as well as intuitions — are a species of representation. Concepts differ from intuitions in that the former appear not under the immediate influence of objects but as a result of the activity — or “spontaneity” — of thinking,

мышления — на основе других представлений, то есть созерцаний или других понятий. Понятия отнюдь не отождествляются Кантом с вербальным: «Схема треугольника не может существовать нигде, кроме как в мысли, и означает правило синтеза воображения в отношении чистых фигур в пространстве»; «понятие о собаке означает правило, согласно которому мое воображение может нарисовать облик четвероногого животного в самом общем виде, не будучи ограниченным каким-либо единичным частным обликом» (Кант, 2006, с. 259; A 141 / B 180).

Что же касается идеи лингвистической относительности, то она возникла до Канта — исследователи находят корни ее «родословной» в идеях Дж. Локка, Г. В. Лейбница и Дж. Вико (Koerner, 2000) — и была широко известна в его эпоху. В частности, одна из тем для научных работ в конкурсе, проводившемся Берлинской академией наук в 1757 г., звучала так: «Каково взаимное влияние мнений людей на язык и языка на мнения?»; при этом ставилась задача выявить, каким образом «склад ума производит язык, который, в свою очередь, в большей или меньшей мере благоприятен для (постижения. — М. С.) истинных идей» (Anonymous, 1757, p. 202)⁵. Такая постановка задачи, очевидно, основывается на взглядах, которые в сегодняшней терминологии могут быть охарактеризованы как слабая версия гипотезы лингвистической относительности (идея о том, что язык оказывает некоторое влияние на мышление).

Сильная версия гипотезы лингвистической относительности (идея о том, что мышление полностью детерминируется языком или сводится к нему) также, по всей видимости, представлена в философии XVIII в. Согласно Дж. Пенн, именно так следует охарактеризовать взгляды И. Г. Гамана: «Гаман был первым, кто полностью отождествил мышление и язык, то есть первым апологетом радикального варианта гипотезы лингвистической относительности» (Penn, 1972, p. 51). Схожим образом оценивает гамановскую философию языка И. Берлин (Berlin, 2013, p. 393).

Перу И. Г. Гамана принадлежит «Метакритика пуризма чистого разума» (Гаман, 2006), в которой Кант критикуется именно за то, что не рассматривает язык в качестве фактора, определяющего мышление. Гаман декларирует приверженность определенной позиции относительно природы языка и познания, которую он связывает с именами Дж. Беркли и Д. Юма:

«Один великий философ утверждал, что всеобщие и абстрактные представления суть не что иное, как особенные представления, однако такие, что благодаря их привязке к некоему определенному слову их смысл обретает большую всеохватность и широту и вместе с тем сохраняет в себе напоминание о еди-

based on other representations, namely, intuitions or other concepts. Kant does not identify concepts with the verbal: “The schema of the triangle can never exist anywhere except in thought, and signifies a rule of the synthesis of the imagination with regard to pure shape in space”; “The concept of a dog signifies a rule in accordance with which my imagination can specify the shape of a four-footed animal in general, without being restricted to any single particular shape” (*ibid.*, p. 273; *KrV*, A 141 / B 180).

As to the idea of linguistic relativity, it emerged long before Kant. Tracing its origins back to the ideas of J. Locke, G. W. Leibniz, and G. Vico, some researchers maintain that it was well-known in Kant’s time (Koerner, 2000). One of the topics for the contest announced by the Berlin Academy of Sciences in 1757 was “What is the reciprocal influence of the opinions of a people on language and of language on opinions?” The task was to explain “how an inclination of thought produces a language, which then gives the mind a way of thinking more or less receptive to true ideas.”⁵ Apparently, such task assignment is rooted in the idea that today would be described as the weak version of the hypothesis of linguistic relativity (the idea that language has some influence on thought).

The strong version of the hypothesis of linguistic relativity (the idea that thought is completely determined by language or is reduced to it) also seems to have had adherents in the philosophy of the 18th century. According to J. Penn, such a conception is characteristic of J. G. Hamann: “Hamann was the first to completely identify thought and language, i.e., the first to advocate the extreme hypothesis of linguistic relativity” (Penn, 1972, p. 51). A similar appraisal of Hamann’s philosophy of language is given by I. Berlin (Berlin, 2013, p. 393).

J. G. Hamann’s writings include the “Metacritique of the Purism of Reason” (Hamann, 1995), in which he attacks Kant for not considering language as a factor that determines thought. Hamann declares his commitment to a position on the nature of language and cognition that he attributes to G. Berkeley and D. Hume:

A great philosopher has maintained ‘that general and abstract ideas are nothing but particular ones, annexed to a certain term, which gives them a more extensive signification, and makes them recall upon occasion other individuals.’ This assertion of [...] George Berkeley, Hume considers to be one of the greatest and most valuable discoveries (Hamann, 1995, p. 519).

⁵ The author thanks Dr. Frederic Tremblay for the translation into English from the original French source: “comment un tour d’esprit produit une langue, laquelle langue donne ensuite à l’esprit un tour plus ou moins favorable aux idées vraies” (Anonymous, 1757, p. 202). For more details on the contest and its philosophical context, see: Aarsleff, 1974.

⁵ Подробнее об этом конкурсе и его философском контексте см.: (Aarsleff, 1974).

ничном». — Это утверждение... Джорджа Беркли Юм признает в качестве величайшего и ценнейшего из всех открытий (Гаман, 2006, с. 81).

Таким образом, за идеей о детерминации мышления языком для Гамана стоит идея о детерминации субъекта конкретными обстоятельствами, в которых тот находится. В кантовской философии «чистого разума» Гаман усматривает представление о чистом субъекте, которое он считает неправомерным «пуризмом». Гаман подчеркивает неотделимость мышления от конкретных обстоятельств и традиции, в связи с чем его философия характеризуется И. Берлином как направленная против идеологии Просвещения (Berlin, 2013, p. 393), тогда как философия Канта лежит в русле Просвещения. Апологетическое понимание Просвещения как свободы пользоваться собственным разумом Кант выражает в работе «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» (Кант, 1994б, с. 131; AA 08, S. 036).

С «метакритикой» философии Канта на основаниях, близких к гамановским, выступил также И. Г. Гердер. Диспозиция идей о соотношении языка и мышления, имевшая место во второй половине XVIII в., характеризуется следующим образом: «Философы Просвещения, как правило, понимали отношение между мыслями... и языком... в отчетливо дуалистическом ключе: мысли и понятия, в принципе, полностью отделимы от какого-либо языкового выражения, которое они могут получать» (Forster, 2012, p. 485), а язык, согласно им, является просто «полезным средством для запоминания и в особенности коммуникации с другими людьми» (Ibid.). На этом фоне Гаман и Гердер выступили с альтернативной точкой зрения, которую можно, согласно М. Форстеру, выразить в двух тезисах: «1) мысль принципиально зависима от языка и связана им (Гаман даже заходит настолько далеко, что заявляет: тождественна языку)... 2) понятия, или значения, являются не чем-то независимым от языка... а употреблением слов» (Ibid., p. 485–486). Однако идеи Гамана и Гердера, как уже ясно из вышеизложенного, развивались не на пустом месте: ранее близкие взгляды выражали такие влиятельные философы, как Г. В. Лейбниц и Х. Вольф (Ibid., p. 497–498).

Как указывает М. Форстер, в этой диспозиции Кант, по крайней мере на первый взгляд, «предстает продолжателем просвещенческой линии дуализма мышления и языка» (Ibid., p. 486). Впрочем, по мнению ряда исследователей (Р. Брандт, М. Вольф), некоторые фрагменты произведений Канта свидетельствуют о том, что он разделял доктрину отождествления языка и мышления. В качестве аргумента в пользу этой точки зрения указывается на то, что Кант отказался от обычного разграничения суждений и предложений, основанного на понимании первых как ментальных актов и вторых как языковых выра-

Therefore, for Hamann, behind the idea of linguistic determination, there is that of subjects being determined by their surrounding environment. In the Kantian philosophy of “pure reason,” Hamann sees a representation of the pure subject, which he regards as an unjustified “purism.” Hamann emphasises the inseparability of thought from concrete circumstances and traditions. On this ground, I. Berlin classifies Hamann’s philosophy as aimed against the ideology of the Enlightenment (Berlin, 2013, p. 393), whereas Kant’s philosophy is in line with the Enlightenment. Kant offers an apologetic conception of the Enlightenment as freedom to think for oneself in his work “An Answer to the Question: ‘What is Enlightenment?’” (Kant, 1996, p. 18; AA 08, p. 36).

On grounds similar to those of Hamann, J. G. Herder also came up with a “metacritical” conception of Kant’s philosophy. The mid-18th century disposition towards ideas about the relationship between thought and language can be characterised as follows: “the philosophers of the Enlightenment had usually conceived of the relation between thoughts [...] and language [...] in a sharply dualistic way: thoughts and concepts were in principle quite separable from whatever expression in language they might happen to receive” (Forster, 2012, p. 485). Accordingly, they viewed language as “a useful means for memorisation and especially for communication with other people” (*ibid.*). Against this background, Hamann and Herder have put forward an alternative interpretation, which, according to M. Forster, can be broken down into two theses: “(1) Thought is essentially dependent on, and bounded by, language (Hamann goes as far as to claim that it is identical with language). [...] (2) Concepts or meanings are — not the sorts of items independent of language [...] but instead — usages of words” (*ibid.*, pp. 485–486). However, as the above suggests, Hamann’s and Herder’s ideas did not emerge *ex nihilo*; similar views had been expressed by such influential philosophers as G.F. Leibniz and C. Wolff (*ibid.*, pp. 497–498).

As M. Forster points out, at least at first glance Kant appears to adhere to “the Enlightenment’s thought-language dualism” (*ibid.*, p. 486). However, according to some researchers (for instance, R. Brandt and M. Wolff), some fragments of Kant’s works indicate that he shared the doctrine that identifies language with thought. An argument to support this point of view is that Kant rejects the usual distinction between judgements as mental acts and propositions as linguistic expressions. Instead, he suggests the distinction of judgements and propositions based on modality (see Kant, 1992, p. 605; *Log*, AA 09, p. 109). In this connection, M. Wolff claims that “Kant dispenses with a psychology according to which there is such a thing as purely mental acts,

жений, и предложил вместо него разграничение по модальности (см.: Кант, 1994а, с. 364; AA 09, S. 109). На этом основании М. Вольф утверждает, что «Кант расстается с психологической теорией, согласно которой существуют чистые ментальные акты — независимые от речи операции рассудка» (Wolff, 1995, S. 23; цит. по: Forster, 2012, p. 489). Однако, на мой взгляд, подобные аргументы, во-первых, могут выдвигаться лишь при определенной интерпретации соответствующих фрагментов из Канта, а во-вторых — даже если они верны — не относятся к основному корпусу текстов «критического периода».

Согласно гипотезе М. Форстера, в философском творчестве Канта относительно рассматриваемой проблемы можно выделить три периода: 1) до середины 1760-х гг. в кантовских текстах встречаются высказывания, близкие к идее отождествления языка и мышления, которые можно объяснить влиянием парадигмы Лейбница — Вольфа; 2) со второй половины 1760-х до 1790-х гг. Кант отчетливо придерживается «дуализма» языка и мышления; 3) в 1790—1798 гг. Кант вновь выступает с высказываниями, в которых можно усмотреть отождествление языка и мышления (Forster, 2012, p. 497—507). Такая четкая периодизация, однако, возможна только при определенной (и являющейся спорной) датировке некоторых текстов Канта (Ibid., p. 510).

На мой взгляд, можно с уверенностью утверждать, что в критической философии Канта мышление понимается как принципиально автономное от языка. Приведенные выше важные фрагменты из «Критики чистого разума» свидетельствуют об этом вполне однозначно.

В этом контексте следует внимательно проанализировать сравнение логики с общей грамматикой, которое Кант проводит в «Пролегоменах» (Кант, 1994с; AA 04) и «Логике» (Кант, 1994а; AA 09)⁶. Может показаться, что оно противоречит сказанному мной и свидетельствует в пользу того, что Кант был близок к отождествлению мышления и языка. Однако, как я продемонстрирую ниже, это не так.

Характеризуя логику как науку о всеобщих и необходимых правилах мышления, которые «могут касаться только его формы, но отнюдь не материи», Кант сопоставляет ее с *общей грамматикой*, «которая не содержит ничего, кроме одной лишь формы языка вообще, без слов, составляющих материю языка» (Кант, 1994а, с. 267; AA 09, S. 12—13). (Под *необходимыми* правилами мышления Кант подразумевает те, которые не зависят от *материи*, то есть от специфики объектов познания.) Продолжая использовать это сравнение, Кант замечает также, что логика является органом (то есть инструментом познания действительности) «столь же мало, как и общая грамматика» (Там же,

speech-free operations of understanding” (Wolff, 1995, p. 23; cited from Forster, 2012, p. 489). Nevertheless, in my view, first, such arguments are valid only if certain remarks by Kant are interpreted in a particular manner and, second, even if these arguments were valid, they would have no bearing on the main corpus of the “critical period.”

M. Forster’s hypothesis suggests that, from the perspective of the relationship between thought and language, Kant’s philosophical *oeuvre* can be divided into three phases. 1) From the early to mid-1760s, Kant’s texts contain remarks compatible with the idea of the identification of language with thought. They can be explained by the influence of the Leibniz-Wolff paradigm. 2) From the late 1760s to the 1790s, Kant clearly adhered to the “dualism” of language and thought. 3) In 1790—1798, Kant once again makes remarks that might be interpreted as identifying language with thought (Forster, 2012, pp. 497-507). Such a periodisation becomes possible only if some of Kant’s texts are dated in a certain (disputable) manner (*ibid.*, p. 510).

In my opinion, it is safe to assume that Kant’s critical philosophy interprets thought as essentially independent from language. The key above-mentioned excerpts from the *Critique of Pure Reason* clearly attest to this.

This context requires a thorough analysis of Kant’s comparison of logic with universal grammar presented in the *Prolegomena* (Kant, 2004; *Prol*, AA 04, pp. 253-384) and the *Jäsche Logic* (Kant, 1992; *Log*, AA 09, pp. 1-150). It might seem that this comparison contradicts what is said above and proves that Kant tended to identify thought with language. But, as I will show below, it does not.

In defining logic as a science of universal and necessary rules of thought that “can concern merely its form and not in any way its matter,” Kant compares it with *universal grammar*, which “contains nothing more than the mere form of language in general, without words, which belong to the matter of language” (Kant, 1992, p. 528; *Log*, AA 09, pp. 12-13). For Kant, the *necessary* rules of thought are those independent of *matter*, i.e., of the specifics of objects of cognition. Extending the above comparison further, Kant emphasises that logic “is not an organon, any more than universal grammar,” where organon is understood as a tool to cognise reality (*ibid.*, p. 270; *Log*, AA 09, p. 15). According to Kant, logic is rather the *canon* of the laws of thought, “without which no use of the understanding or of reason takes place at all” (*ibid.*, p. 529; *Log*, AA 09, p. 13). Kant believes that these laws are inherent in thought *per se* just as grammar is in language, whereas logic as a science serves only for explanation: “universal grammar is the form of a language in gen-

⁶ Эта работа известна в англоязычной литературе как «Jäsche Logic».

с. 270; AA 09, S. 15). Зато, согласно Канту, логика представляет собой *канон* законов мышления, «без которых нет никакого применения рассудка и разума» (Там же, с. 268; AA 09, S. 13). По его мысли, эти законы присущи мышлению как таковому, так же как грамматика языку, а логика как наука служит лишь их экспликацией: «Общая грамматика есть форма языка вообще. Говорят, однако, и не зная грамматики, но говорящий без ее знания — в действительности обладает грамматикой и говорит по правилам, которые он тем не менее не осознает» (Там же, с. 266; AA 09, S. 11).

Однако сравнение Кантом логики с общей грамматикой, лежащее в русле традиции, которая восходит к средневековой схоластике и «Грамматике Пор-Рояля», отнюдь не означает, что он является сторонником идеи языковой детерминации мышления. Во-первых, сам факт такого сравнения говорит о том, что он не рассматривает логику и общую грамматику как тождественные друг другу. Во-вторых, он не отдает языку приоритет. В-третьих, это сравнение не предполагает параллелизма (по крайней мере, полного); напротив, Кант указывает на случаи расхождения грамматической и логической формы:

В суждении, требующем истолкования, например: немногие люди учены — содержится 1) отрицательное суждение, но скрыто: многие люди не учены и 2) утвердительное: некоторые люди учены. Так как природа подлежащих истолкованию положений зависит единственно от условий языка, благодаря которым можно сразу выразить вкратце два суждения, то замечание, что в нашем языке могут существовать суждения, которые должны быть истолкованы, относится не к логике, а к грамматике (Там же, с. 364; AA 09, S. 109).

В «Пролегоменах» Кант акцентирует внимание именно на том, что грамматическая форма является во многом случайной относительно «чистых элементов человеческого познания»: «Собирание элементов грамматики... не в состоянии указать причину, почему каждый язык имеет именно это, а не другое формальное качество и, еще менее, почему имеет именно столько — ни больше ни меньше — такого рода формальных определений языка» (Кант, 1994в, с. 83; AA 04, S. 323). Кант ставит в упрек аристотелевской системе категорий то, что она следует за подобными случайными свойствами языка, а не основывается на необходимом принципе.

Итак, основной корпус критической философии Канта не содержит идеи языковой детерминации мышления. Можно согласиться с М. Е. Соболевой, что «убеждение в том, что способность к языку относится к условиям возможности опыта», характерное для многих интерпретаций Канта в аналитической философии, является привнесенным фактором, который препятствует его корректному пониманию (Соболева, 2018, с. 132).

eral, for example. One speaks even without being acquainted with grammar, however; and he who speaks without being acquainted with it does actually have a grammar and speaks according to rules, but ones of which he is not himself conscious" (*ibid.*, p. 527; *Log*, AA 09, p. 11).

However, Kant's comparison of logic with universal grammar, which follows the tradition originating in Medieval scholasticism and the "Port-Royal Grammar," does not in any way mean that he is an advocate of the idea of the linguistic determination of thought. First, the very fact of such a comparison suggests that he does not consider logic and universal grammar as identical. Second, he does not give priority to language. Third, this comparison does not suggest parallelism (at least, complete parallelism); on the contrary, Kant points to cases of discrepancy between grammatical and logical form:

In the exponible judgment, Few men are learned, for example lies (1.), but in a covert way, the negative judgment, Many men are not learned, and (2.) the affirmative one, Some men are learned. Since the nature of exponible propositions depends merely on conditions of language, in accordance with which one can express two judgments briefly at once, the observation that in our language there can be judgments that must be expounded belongs not to logic but to grammar (*ibid.*, p. 605; *Log*, AA 09, p. 109).

In the *Prolegomena*, Kant emphasises the fact that grammatical form is largely random with regards to the "pure elements of human cognition"; "To compile the elements for a grammar" does not mean to "give a reason why any given language should have precisely this and no other formal constitution" (Kant, 2002, p. 115; *Prol*, AA 04, p. 323). Kant criticises Aristotle's system of categories for focusing on accidental properties of language and for lacking a necessary principle.

Thus, the main corpus of Kant's critical philosophy does not contain the idea of a linguistic determination of thought. I am inclined to agree with M. E. Soboleva that "the belief that capacity for language is a condition of the possibility of experience," which is characteristic of many interpretations of Kant's thought within analytic philosophy, is an alien factor that stands in the way of an adequate understanding of it (Soboleva, 2018, p. 132).

2. The Transcendentalism of the Subject and the Transcendentalism of the Medium

Another noteworthy difference between Kant's philosophy and "linguistic Kantianism" is that they repre-

§ 2. Трансцендентализм субъекта и трансцендентализм посредника

Еще одно примечательное отличие философии Канта от «лингвистического кантианства» состоит в том, что они представляют собой два разных типа трансцендентализма, которые я обозначу как «трансцендентализм субъекта» и «трансцендентализм посредника» соответственно.

Кант осуществил свой «коперниканский переворот», предложив идею о том, что «активным» началом в процессе познания является не внешний мир, воздействующий на субъекта, а сам познающий субъект. Согласно мысли Канта, ранее метафизики «считали, что всякие наши познания будто бы должны сообразоваться с предметами», тогда как следует «исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием» (Кант, 2006, с. 17; В XVI). Источником вдохновения для Канта во многом послужили успехи в естественных науках, связанные с распространением в Новое время экспериментального метода, в котором очевидным образом проявляется активность субъекта познания:

Естествоиспытатели поняли, что разум усматривает только то, что сам создает по собственному проекту, что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам и побуждать природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу; ибо в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, вовсе не будут связаны необходимым законом; а ведь разум ищет такой закон и нуждается в нем (Там же, с. 15; В XIII).

«Лингвистическое кантианство» предлагает еще один вариант эпистемической диспозиции, отличный и от докантовского, и от кантовского. В нем «активное» начало принадлежит не внешнему миру и не собственным способностям субъекта познания, а чему-то находящемуся между ними, то есть посреднику: языку либо — в других концепциях этого типа — теории или научной парадигме. Применительно к философии раннего Витгенштейна это констатирует Б. Страуд: «Философия “Трактата”... помещает в центр интеллектуальной вселенной не человека, но... развоплощенную и абстрактную структуру, именуемую “язык”» (Stroud, 1972, p. 25).

Впрочем, в подобных концепциях этот посредник зачастую курьезным образом сам приобретает черты субъекта: он борется за выживание, как, например, теории, прибегающие к принципу Дюэма — Куайна; конкурирует с себе подобными; проходит этапы становления, зрелости и кризиса. Яркий пример всего этого можно найти в концепции научных парадигм Т. Куна (Кун, 2003).

sent two different types of transcendentalism, to which I refer as the “transcendentalism of the subject” and the “transcendentalism of the medium,” respectively.

Kant carried out his “Copernican Revolution” in putting forward the idea that the “active” principle in the process of cognition is not the external world, which affects the subject, but the cognising subject itself. According to Kant, earlier metaphysicians thought that “all our cognition must conform to the objects,” whereas it is necessary to start by “assuming that the objects must conform to our cognition” (Kant, 2000, p. 110; *KrV*, B XVI). Kant was largely inspired by the achievements of the natural sciences, which were made possible by the spread of the experimental method in modernity, which assigns an active role to the subject of cognition:

They comprehended that reason has insight only in what it itself produces according to its own design; that it must take the lead with principles for its judgment according to constant laws and compel nature to answer its questions; rather than letting nature guide its movement by keeping reason, as it were, in leading-strings; for otherwise accidental observations, made according to no previously designed plan, can never connect up into a necessary law, which is yet what reason seeks and requires (Kant, 2000, p. 109; *KrV*, B XIII).

“Linguistic Kantianism” suggests yet another version of epistemic disposition that is different from both the pre-Kantian and the Kantian versions. It associates the “active” principle with neither the external world nor the faculties of the subject of cognition but with something in between (i.e., the medium): language or — in other conceptions of the same kind — theory or scientific paradigm. According to B. Stroud, this applies to the philosophy of the early Wittgenstein: “the philosophy of the *Tractatus* [...] puts at the centre of the intellectual universe, not *man*, but only a disembodied and abstract structure called ‘language’” (Stroud, 1972, p. 25).

However, in such conceptions, the medium paradoxically takes on the features of a subject; it fights for survival, as with, for example, the theories resorting to the Duhem-Quine principle. It competes with its peers, and goes through the stages of emergence, maturity, and crisis. A vivid example of this can be found in T. S. Kuhn’s conception of scientific paradigms (Kuhn, 2003).

According to J. Hintikka, the conception of *language as a universal medium* plays a crucial role in the early Wittgenstein in particular and in 20th century philosophy of language in general (Hintikka, 1997, p. 162). Hintikka sets this conception of language in

Согласно Я. Хинтикке, понимание языка как универсального посредника играет важнейшую роль у раннего Л. Витгенштейна, а также в целом в философии языка XX в. (Hintikka, 1997, p. 162). Такому пониманию языка он противопоставляет понимание языка как исчисления⁷. Эта дихотомия основывается на предложенной ранее Й. ван Хейеноортом (Heijenoort, 1967) дихотомии логики как исчисления (*calculus ratiocinator*) и логики как языка (*lingua characterica*), которая, в свою очередь, восходит к Г. В. Лейбницу с его идеями *calculus ratiocinator* и *characteristica universalis*. При этом смысл, вкладываемый в это разграничение Хейеноортом, несколько отличается от подразумевавшегося Лейбницем. Для Лейбница «*calculus ratiocinator* и *characteristica universalis* являются двумя конституэнтами... программы общей науки», которые «поддерживают друг друга» (Peckhaus, 2004, p. 599). Хейеноорт же понимает их как два конкурентных подхода, присутствующих разным авторам; впрочем, он отмечает, что на определенном этапе развития логики в XX в. их расхождение было преодолено (Heijenoort, 1967, p. 328).

Предлагаемую Хейеноортом трактовку этой дихотомии можно сформулировать следующим образом: логика как *calculus ratiocinator* — инструмент, область и способ применения которого субъект, располагающий им, может менять по собственному усмотрению, а также подвергать металогическому анализу; *lingua characterica* — универсальная логика, выход за пределы которой невозможен (и которая, таким образом, не предполагает какой-либо металогики или варьирования).

По мысли Хейеноорта, подход к логике как к *calculus ratiocinator* был присущ таким авторам XIX в., как Дж. Буль и Э. Шрёдер, а понимание логики как *lingua characterica* выступило на первый план в работах Г. Фреге и раннего Б. Рассела. В качестве одной из конкретных отличительных черт Хейеноорт указывает то, что в логике Буля и Шрёдера универсум рассмотрения может варьироваться и не связан с какими-либо онтологическими обязательствами, тогда как у Фреге «универсум содержит все, что существует» (Heijenoort, 1967, p. 325), является единственным и фиксированным; последнее справедливо и для Рассела в «*Principia Mathematica*» с тем отличием, что расселовский универсум стратифицирован по типам. В 1910–1930-е гг., согласно Хейеноорту, понимание логики как *calculus ratiocinator* вновь становится актуальным — именно в рамках него осуществляются семантические (предполагающие варьирование предметной области) и металогические исследования (Л. Лёвенгейм, Т. Сколем, К. Гёдель).

Согласно Хинтикке, Рассел в дальнейшем перешел на позиции *calculus ratiocinator*, что выразилось в разра-

opposition with the conception of *language as calculus*.⁶ This dichotomy is based on the dichotomy of *logic as calculus ratiocinator* and *logic as lingua characterica* proposed by J. van Heijenoort (Heijenoort, 1967), which in turn goes back to Leibniz, with his ideas of *calculus ratiocinator* and *characteristica universalis*. However, the meaning that Heijenoort attributed to this dichotomy is different from that of Leibniz. For Leibniz, “*calculus ratiocinator* and *characteristica universalis* are two constituents of the prior programme of a general science,” which “support each other” (Peckhaus, 2004, p. 599). Heijenoort sees them as two competing approaches advocated by different authors. However, he notes that the gap between the two approaches was bridged at a certain stage of development of logic in the 20th century (Heijenoort, 1967, p. 328).

Heijenoort’s interpretation of the dichotomy can be formulated as follows: logic as *calculus ratiocinator* is an instrument, the domain and *modus operandi* of which can be changed by the user and which can be subjected to meta-analysis. The *lingua characterica* is a universal logic impossible to transcend (and which, therefore, does not allow for any metalogic or variation).

Heijenoort believes that an understanding of logic as *calculus ratiocinator* was characteristic of such 19th century authors as G. Boole and E. Schröder, whereas its interpretation as *lingua characterica* came to the fore in the works of G. Frege and of the early B. Russell. Heijenoort sees a specific distinctive feature of Boole’s and Schröder’s logic in the fact that, for them, the universe of discourse can vary and is not bound by any ontological commitment, whereas for Frege the “universe consists of all that there is” (Heijenoort, 1967, p. 325) and it is unique and fixed. The latter holds also true for Russell in *Principia Mathematica*, with the difference that the Russellian universe is stratified by type. From the 1910s to the 1930s, according to Heijenoort, the understanding of logic as *calculus ratiocinator* became relevant anew — it became a framework for semantics, which suggest variations in the domain of objects, and metalogical investigations (L. Löwenheim, T. A. Skolem, K. F. Gödel).

According to Hintikka, Russell subsequently switched to the *calculus ratiocinator* position, which was expressed in his idea of a metalanguage. Hintikka believes that this happened after Russell had acquainted himself with Wittgenstein’s *Tractatus Logico-Philosophicus*, which demonstrated the far-reaching consequences of the universalist conception (Hintikka, 1997, p. 165).

⁷ В данном случае термин «исчисление» не обозначает синтаксическую систему без интерпретации, а, напротив, предполагает семантический подход; см.: (Hintikka, 1991, p. xi).

⁶ In this case, the term “calculus” does not mean a syntactic system without interpretation, but on the contrary suggests a semantic approach. See: Hintikka, 1991, p. xi.

ботке им идеи метаязыка. По предположению Хинтикки, это произошло после ознакомления Рассела с «Логико-философским трактатом» Витгенштейна, который продемонстрировал далеко идущие следствия универсалистского понимания (Hintikka, 1997, p. 165).

Хинтикка перенес эксплицированную Хейеноортом дихотомию с логики на язык, сопоставив *calculus ratiocinator* (понимание языка как исчисления) с *lingua characterica* (пониманием языка как универсального посредника). Основные черты понимания языка как универсального посредника (УП), указанные Хинтиккой, были затем компактно сформулированы М. Кушем:

(УП-1) Семантические отношения недоступны [для варьирования]; следовательно

(УП-2) мы не можем представить иные семантические отношения; следовательно

(УП-3) теория моделей (и разговор о возможных мирах) невозможны (поскольку теория моделей основывается на систематическом варьировании семантических отношений); и (в силу 1)

(УП-4) лингвистический релятивизм неизбежен (мы заперты в своем языке); ведь (в силу 1 и 2)

(УП-5) мы не можем схватывать действительность без (искажающего) влияния языка; и (в силу 1)

(УП-6) создание метаязыка невозможно; следовательно

(УП-7) истина как соответствие невыразима, следовательно (и в силу 1)

(УП-8) мы должны ограничиться синтаксисом, т. е. формализмом (Kusch, 1988, p. 99–100).

Как нетрудно заметить, эти тезисы представляют собой формулировку того, что может подразумеваться, когда говорят о «лингвистическом кантианстве» (некоторые из них являются общими, а некоторые носят более специфический характер и связаны с проблематикой логической семантики). В качестве яркого воплощения этой позиции Хинтикка рассматривает философию раннего Витгенштейна. При этом он отмечает, что «идея языка как универсального посредника может считаться лингвистическим соответствием определенных кантианских концепций. На эту связь указывает [сам] Витгенштейн» (Hintikka, 1997, p. 165).

Разумеется, некоторое соответствие между философией Канта и «лингвистическим кантианством» можно установить. Оно состоит в том, что, как уже было сказано выше, и аутентичное кантианство, и «лингвистическое кантианство» являются вариантами трансцендентализма. Однако это соответствие носит слишком общий характер для того, чтобы признать позицию, известную как «лингвистическое кантианство», в качестве законного наследника философии Канта, поскольку между ними имеют место принципиальные расхождения.

Hintikka transferred the dichotomy explained by Heijenoort from logic to language, juxtaposed the *calculus ratiocinator*, which is the conception of language as calculus, with the *lingua characterica*, which is the conception of language as the universal medium.

Later, M. Kusch summarised the key characteristics of the conception of language as a universal medium (UM) that were identified by Hintikka:

(UM-1) Semantic relations are inaccessible; therefore

(UM-2) we cannot imagine other semantic relations; therefore

(UM-3) model theory (and talk of possible worlds) is impossible (since model theory is based on the systematic variation of semantic relations); and (due to 1)

(UM-4) linguistic relativism is inevitable (we are trapped in our own language); for (due to 1 & 2)

(UM-5) we cannot grasp reality without the (distorting) interference of language; and (due to 1)

(UM-6) the construction of a metalanguage is impossible; therefore

(UM-7) truth as correspondence is inexpressible, therefore (and due to 1)

(UM-8) we have to limit ourselves to syntax, i.e., formalism (Kusch, 1988, pp. 99-100).

It is easy to see that these theses formulate what might be implied when “linguistic Kantianism” is mentioned (some of these theses are general and some of them more specific, the latter falling within the scope of logical semantics). Hintikka sees the philosophy of the early Wittgenstein as a vivid embodiment of this position. He notes that “the idea of language as the universal medium can be considered as a linguistic counterpart of certain Kantian doctrines. The connection is pointed out by Wittgenstein” (Hintikka, 1997, p. 165).

Of course, one could establish a certain correspondence between Kant’s philosophy and “linguistic Kantianism.” As mentioned above, this correspondence consists in the fact that both authentic Kantianism and “linguistic Kantianism” are variations of transcendentalism. However, this correspondence is too general to accept the position known as “linguistic Kantianism” as a legitimate heir to Kant’s philosophy. The fundamental differences between them render this impossible.

Conclusion

Thus, despite the prevalence of its use, the expression “linguistic Kantianism” is not completely adequate and can be misleading when it comes to the es-

Заключение

Итак, термин «лингвистическое кантианство», несмотря на широту его употребления, не вполне корректен и может вводить в заблуждение относительно характера и происхождения обозначаемой им идеи. Эту идею с большим правом можно обозначить как лингвистический трансцендентализм.

Термин «трансцендентализм» обязан своим происхождением Канту, который определил предложенное им в «Критике чистого разума» направление исследований как трансцендентальную философию, подразумевая под этим следующее: «Я называю *трансцендентальным* всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*. Система таких понятий называлась бы *трансцендентальной философией*» (Кант, 2006, с. 79; B25). При этом слово «трансцендентальное» получило новый смысл, не соответствующий его более раннему употреблению (Serck-Hanssen, 2003, p. 7–9).

В настоящее время, как уже было отмечено, под трансцендентализмом понимаются любые «эпистемологические взгляды, согласно которым человеческое познание зависит как от эмпирических, так и от неэмпирических факторов» (Stroll, 1995, p. 97). В рамках такого понимания к трансцендентализму могут быть отнесены философские концепции, не совпадающие со взглядами самого Канта. Одним из их вариантов и является «лингвистическое кантианство», где в качестве неэмпирического фактора познания предлагается понимать язык.

Однако термин «кантианство», с моей точки зрения, не следует употреблять столь же широко, как термин «трансцендентализм», иначе к кантианству будут отнесены взгляды, которые принципиально расходятся со взглядами самого Канта, а это вряд ли целесообразно. Выше было показано, что идеи, обозначаемые как «лингвистическое кантианство», представляют собой именно такой случай. Между ними и философией Канта имеет место ряд принципиальных расхождений. Во-первых, для Канта мышление невербально, тогда как в основе «лингвистического кантианства» лежит идея о вербальном характере мышления. Во-вторых, Кант рассматривает описываемые им априорные формы познания как универсальные для человечества, тогда как сильная версия гипотезы лингвистической относительности, с которой зачастую связывается «лингвистическое кантианство», предполагает варьирование подобных форм в зависимости от языковых различий. В-третьих, философия Канта и «лингвистическое кантианство» представляют собой два разных типа трансцендентализма, которые можно обозначить как «трансцендентализм субъекта» и «трансцендентализм посредника» соответственно.

sence and origin of the idea that it designates. It would be more appropriate to refer to it as a “linguistic transcendentalism.”

The term “transcendentalism” owes its existence to Kant, who defined an avenue of research proposed in the *Critique of Pure Reason* as transcendental philosophy, by which he meant the following: “I call all cognition *transcendental* that is occupied not so much with objects but rather with our mode of cognition of objects insofar as this is to be possible *a priori*. A *system* of such concepts would be called *transcendental philosophy*” (Kant, 2000, p. 149; *KrV*, B25). Here, the word “transcendental” was given a new meaning that did not correspond to its earlier usage (Serck-Hanssen, 2003, pp. 7-9).

As mentioned in the above, transcendentalism is nowadays understood as any “epistemological view that holds that human knowledge depends on both empirical and non-empirical factors” (Stroll, 1995, p. 97). Within such a conception, transcendentalism may be extended to philosophical conceptions that do not coincide with Kant’s views. One of such conceptions is that of “linguistic Kantianism,” which suggests a conception of language as a non-empirical factor of cognition.

However, I believe that the term “Kantianism” should not be used as broadly as the term “transcendentalism.” Otherwise, Kantianism would include views that are fundamentally at variance with Kant’s own views – which is inappropriate. It was shown above that the ideas referred to as “linguistic Kantianism” represent exactly such a case. There are fundamental differences between them and Kant’s philosophy. First, for Kant thought is non-verbal, whereas “linguistic Kantianism” rests on the very idea of the verbal nature of thought. Second, Kant considers *a priori* forms of cognition as universally valid for all humanity, whereas the strong version of the hypothesis of linguistic relativity, with which “linguistic Kantianism” is often associated, implies variations in such forms, depending on linguistic peculiarities. Third, Kant’s philosophy and “linguistic Kantianism” are two different types of transcendentalism that can be respectively designated as the transcendentalism of the subject and the transcendentalism of the medium.

To conclude, it is important to mention that the absence in Kant’s philosophy of the idea of linguistic determination does not mean that it is impossible to consider the correlation between a subject’s cognitive faculties and linguistic forms from a Kantian perspective. A rejection of the determination of thought by linguistic forms does not entail a rejection of the determination of language by forms of cognitive faculties. On the contrary, the former necessarily implies the latter.

В завершение следует сказать, что отсутствие в философии Канта идеи языковой детерминации познания не означает, что с кантовских позиций нельзя говорить о корреляции между познавательными способностями субъекта и языковыми формами. Отрицание детерминации мышления языковыми формами не влечет за собой отрицания детерминации языка формами когнитивных способностей, а скорее с необходимостью предполагает последнее.

Список литературы

- Гаман И. Г. Метакритика пуризма чистого разума // Гаман И. Г., Якоби Ф. Г. Философия чувства и веры / пер. с нем., сост. С. В. Волжина. СПб.: РГП ЛГУ, 2006. С. 81–88.
- Драгалина-Черная Е. Г. Консеквенции и дизайн в общей и трансцендентальной логике // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, №1. С. 25–39.
- Кант И. Критика чистого разума: в 2 ч. Ч. 1 // Соч. на нем. и рус. языках. Т. 2, ч. 1. М.: Наука, 2006.
- Кант И. Логика / пер. с нем. И. К. Маркова и В. А. Жучкова // Соч.: в 8 т. М.: Чоро, 1994а. Т. 8. С. 266–398.
- Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. на нем. и рус. языках. Т. 1. М.: Наука, 1994б. С. 125–148.
- Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука / пер. с нем. В. С. Соловьёва // Соч.: в 8 т. М., 1994в. Т. 4. С. 5–152.
- Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова // Структура научных революций / сост. В. И. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. С. 9–268.
- Макеева Л. Б. Язык и реальность // Логос. 2006. №6 (57). С. 3–20.
- Соболева М. Е. Как читать Канта, или Кант в контексте современных эпистемологических дискуссий в западном аналитическом кантоведении // Вопросы философии. 2018. №3. С. 129–140.
- Aarsleff H. The Tradition of Condillac: The Problem of the Origin of Language in the Eighteenth Century and the Debate in the Berlin Academy before Herder // *Studies in the History of Linguistics: Traditions and Paradigms* / ed. by D. Hymes. Indiana: Indiana Univ. Press, 1974. P. 93–156.
- Anonymous. Prix proposé par l'Académie Royale des Sciences & Belles-Lettres de Prusse pour l'année 1759 // *Nouvelle bibliothèque germanique, ou histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse, & des Pays du Nord* / ed. S. Formey. T. 21, pt. 1. P. 201–204.
- Berlin I. *Three Critics of the Enlightenment: Vico, Hamann, Herder*, 2nd ed. Princeton: Princeton University Press.
- Devitt M., Sterelny K. *Language and Reality*, 2nd ed. Oxford: Blackwell.
- Dragalina-Chernaya E. G., 2018. Consequences and Design in General and Transcendental Logic. *Kantian Journal*, 37(1), pp. 25-39.
- Dragalina-Chernaya E., 2016. Kant's Dynamic Hylomorphism in Logic. *Con-Textos Kantianos. International Journal of Philosophy*, 4, pp. 127-137.
- Forster M., 2012. Kant's Philosophy of Language? *Tijdschrift voor Filosofie*, 74(3), pp. 485-511.
- Gale R., 1963. Some Metaphysical Statements about Time. *The Journal of Philosophy*, 60(9), pp. 225-237.
- Hamann, J. G., 1995. Metacritique of the Purism of Reason. In: G. G. Dickson, 1995. *Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism*. Berlin & New York: Walter de Gruyter, pp. 517-525.
- Heijenoort J., 1967. Logic as Calculus and Logic as Language. *Synthese*, 17(3), pp. 324-330.
- Hintikka, J., 1997. *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of Twentieth-Century Philosophy*, Dordrecht: Springer.
- Kant, I., 1992. *The Jäsche Logic*. In: I. Kant. *Lectures on Logic*. Translated by J. M. Young, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 521-644.
- Kant, I., 1996. An Answer to the Question: What is Enlightenment? In: I. Kant, *Practical Philosophy*. Translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11-22.
- Kant, I., 2000. *Critique of Pure Reason (Unified Edition)*. Translated and edited by A. W. Wood and P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2002. *Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science*. Translated by G. Hatfield. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 29-170.
- Koerner, K. E. F., 2000. Towards a 'Full Pedigree' of the 'Sapir-Whorf Hypothesis': From Locke to Lucy. In: M. Pütz, M. Verspoor, eds. 2000. *Explorations in Linguistic Relativity*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 1-25.
- Kuhn, T., 1996. *The Structure of Scientific Revolutions*, 3rd ed. Chicago: The University of Chicago Press.
- Kusch, M., 1988. Husserl and Heidegger on Meaning. *Synthese*, 77(1), pp. 99-127.
- Lynch, M. P., 2001. *Truth in Context: An Essay on Pluralism and Objectivity*, Cambridge (Mass.): The MIT Press.

References

- Aarsleff, H., 1974. The Tradition of Condillac: The Problem of the Origin of Language in the Eighteenth Century and the Debate in the Berlin Academy before Herder. In: D. Hymes, ed. 1974. *Studies in the History of Linguistics: Traditions and Paradigms*. Bloomington: Indiana University Press, pp. 93-156.
- Anonymous, 1757. Prix proposé par l'Académie Royale des Sciences & Belles-Lettres de Prusse pour l'année 1759. *Nouvelle bibliothèque germanique, ou histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse, & des Pays du Nord*, 21(1), pp. 201-204.
- Berlin, I., 2013. *Three Critics of the Enlightenment: Vico, Hamann, Herder*, 2nd ed. Princeton: Princeton University Press.
- Devitt, M., Sterelny, K., 1999. *Language and Reality*, 2nd ed. Oxford: Blackwell.
- Dragalina-Chernaya, E. G., 2018. Consequences and Design in General and Transcendental Logic. *Kantian Journal*, 37(1), pp. 25-39.
- Dragalina-Chernaya, E., 2016. Kant's Dynamic Hylomorphism in Logic. *Con-Textos Kantianos. International Journal of Philosophy*, 4, pp. 127-137.
- Forster, M., 2012. Kant's Philosophy of Language? *Tijdschrift voor Filosofie*, 74(3), pp. 485-511.
- Gale, R., 1963. Some Metaphysical Statements about Time. *The Journal of Philosophy*, 60(9), pp. 225-237.
- Hamann, J. G., 1995. Metacritique of the Purism of Reason. In: G. G. Dickson, 1995. *Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism*. Berlin & New York: Walter de Gruyter, pp. 517-525.
- Heijenoort, J., 1967. Logic as Calculus and Logic as Language. *Synthese*, 17(3), pp. 324-330.
- Hintikka, J., 1997. *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of Twentieth-Century Philosophy*, Dordrecht: Springer.
- Kant, I., 1992. *The Jäsche Logic*. In: I. Kant. *Lectures on Logic*. Translated by J. M. Young, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 521-644.
- Kant, I., 1996. An Answer to the Question: What is Enlightenment? In: I. Kant, *Practical Philosophy*. Translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11-22.
- Kant, I., 2000. *Critique of Pure Reason (Unified Edition)*. Translated and edited by A. W. Wood and P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2002. *Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science*. Translated by G. Hatfield. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 29-170.
- Koerner, K. E. F., 2000. Towards a 'Full Pedigree' of the 'Sapir-Whorf Hypothesis': From Locke to Lucy. In: M. Pütz, M. Verspoor, eds. 2000. *Explorations in Linguistic Relativity*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 1-25.
- Kuhn, T., 1996. *The Structure of Scientific Revolutions*, 3rd ed. Chicago: The University of Chicago Press.
- Kusch, M., 1988. Husserl and Heidegger on Meaning. *Synthese*, 77(1), pp. 99-127.
- Lynch, M. P., 2001. *Truth in Context: An Essay on Pluralism and Objectivity*, Cambridge (Mass.): The MIT Press.

Hintikka J. *Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of Twentieth-Century Philosophy*. Dordrecht : Springer, 1997.

Koerner K. E. F. Towards a 'full pedigree' of the 'Sapir – Whorf Hypothesis': From Locke to Lucy // *Explorations in Linguistic Relativity* / ed. by M. Pütz, M. Verspoor. Amsterdam (Phil.) : John Benjamins Publishing Co., 2000. P. 1–25.

Kusch M. Husserl and Heidegger on Meaning // *Synthese*. 1988. Vol. 77, №1. P. 99–127.

Lynch M. *Truth in Context: An Essay on Pluralism and Objectivity*. Cambridge (Mass.) : The MIT Press, 2001.

Peckhaus V. Schröder's Logic // *Handbook of the History of Logic*. Vol. 3 : The Rise of Modern Logic: From Leibniz to Frege / ed. by D. M. Gabbay, J. Woods. Amsterdam : Elsevier, 2004.

Penn J. *Linguistic Relativity versus Innate Ideas. The Origins of the Sapir – Whorf Hypothesis in German Thought*. The Hague : Mouton, 1972.

Romanos G. *Quine and Analytic Philosophy: The Language of Language*. Cambridge (Mass.) : The MIT Press, 1983.

Serck-Hanssen C. Kant's Critical Debut: The Idea of the Transcendental in Kant's Early Thought // *From Kant to Davidson: Philosophy and the Idea of the Transcendental* / ed. by J. Malpas. L. ; N. Y. : Routledge, 2003. P. 7–21.

Smith B. Against Fantology // *Experience and Analysis: Proceedings of the 27th International Wittgenstein Symposium* / ed. by J. Marek, E.M. Reicher. Vienna : OBV & HPT, 2005. P. 153–170.

Stroll A. Transcendentalism or Naturalism: The Only Alternatives? // *Dialectica*. 1995. Vol. 49, №2/4. P. 95–111.

Stroud B. "Ludwig Wittgenstein" by David Pears (Review) // *The Journal of Philosophy*. 1972. Vol. 69, №1. P. 16–26.

Whorf B. *Language, Thought, and Reality*. Cambridge (Mass.) : The MIT Press, 1956.

Wolff M. *Die Vollständigkeit der kantischen Urteilstafel. Mit einem Essay über Freges "Begriffsschrift"*. Frankfurt a/M : Klostermann, 1995.

Об авторе

Михаил Алексеевич **Смирнов**, преподаватель, школы философии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: msmirnov@hse.ru

Для цитирования:

Смирнов М. А. Философия Канта и «лингвистическое кантианство» // *Кантовский сборник*. 2018. Т. 37, № 2. С. 32–45. doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-2.

Makeeva, L. B., 2006. Language and Reality. *Logos*, 57(6), pp. 3-20. (In Russ.)

Peckhaus, V., 2004. Schröder's Logic. In: D.M. Gabbay, J. Woods, eds. 2004. *Handbook of the History of Logic*, vol. 3: *The Rise of Modern Logic: From Leibniz to Frege*. Amsterdam: Elsevier.

Penn, J., 1972. *Linguistic Relativity versus Innate Ideas. The Origins of the Sapir-Whorf Hypothesis in German Thought*. The Hague: Mouton.

Romanos, G., 1983. *Quine and Analytic Philosophy: The Language of Language*. Cambridge (Mass.): The MIT Press.

Serck-Hanssen, C., 2003. Kant's Critical Debut: The Idea of the Transcendental in Kant's Early Thought. In: J. Malpas, ed. 2003. *From Kant to Davidson: Philosophy and the Idea of the Transcendental*. London & New York: Routledge, pp. 7-21.

Smith, B., 2005. Against Fantology. In: J. Marek, E. M. Reicher, eds. 2005, *Experience and Analysis*. Vienna: OBV & HPT, pp. 153-170.

Soboleva, M. E., 2018. How to Read Kant, or Kant in the Context of Contemporary Epistemological Discussions in Western Analytic Kant-Studies. *Voprosy filosofii*, 3, pp. 129-140. (In Russ.)

Stroll, A., 1995. Transcendentalism or Naturalism: The Only Alternatives? *Dialectica*, 49(2/4), pp. 95-111.

Stroud, B., 1972. "Ludwig Wittgenstein" by David Pears (Review). *The Journal of Philosophy*, 69(1), pp. 16-26.

Whorf, B., 1956. *Language, Thought, and Reality*, Cambridge (Mass.): The MIT Press.

Wolff, M., 1995. *Die Vollständigkeit der kantischen Urteilstafel. Mit einem Essay über Freges „Begriffsschrift“*, Frankfurt a. M.: Klostermann.

The author

Mikhail A. **Smirnov**, lecturer, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: msmirnov@hse.ru

To cite this article:

Smirnov, M. A., 2018. Kantian Philosophy and 'Linguistic Kantianism'. *Kantian Journal*, 2018, 37(2), pp. 32-45. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-2-2>.